

Мигель Сервантес де Сааведра читается на русском языке с XVIII века. Знаменитый «Дон-Кихот»

впервые переведен в России в 1769 г., а название романа было известно и раньше: в 1763 г. опубликован перевод «Двух любовниц» с характерным подзаголовком: «Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, автора Дон Кишота». Именно новелла «Две любовницы» (одна из «Назидательных новелл») считалась до сих пор первым переводом произведений Сервантеса на русский язык. А. Д. Умикян, исследовавшая ранние русские переводы Сервантеса, сообщила об этом переводе¹, который не описан ни у В. С. Сопикова, ни у А. Ф. Смирдина, ни у В. В. Сиповского. «Сводный каталог русских книг XVIII века. 1725-1800» под №6446 уже дает описание «Двух любовниц»². Ю. Д. Левин также считает «Двух любовниц» первым переводом Сервантеса на русский язык: «Впрочем, первым произведением Сервантеса, появившимся в русском переводе, был не роман его, а одна из «Назидательных новелл», изданная в 1783 (опечатка; надо читать: в 1763 г. — *О. Б.*) при Московском университете под заглавием «Две любовницы» (оригинал — «Les dos doncellas»)»³. Из «Назидательных новелл» в XVIII в. перевели и напечатали «Силу родства» (перевод с французского П. И. Фонвизина, младшего брата Д. И. Фонвизина. М.,

О. М. БУРАНОК

Русский Сервантес: начало освоения

1764); в 1794 г. в Санкт-Петербурге издали эту же новеллу под названием «Леокадия», в этом же году

в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» напечатан перевод с французского Павла Львова, причем перевод, изданный в Париже в 1787 г., сделан с перделки Флориана. Как видим, переводили Сервантеса не с оригинала, а большей частью с французского или немецкого переводов: в XVIII веке известны шесть отдельных переводов «Назидательных новелл». Печатались переведенные новеллы в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», а также отдельными изданиями⁴. Первым переводом Сервантеса с испанского на русский стала опять-таки одна из «Назидательных новелл» «Прекрасная цыганка» (вышла в Смоленске отдельным изданием в 1795 г.), как установил К. С. Корконосенко, подчеркнув, что в переводе с испанского не обошлось без использования перевода-посредника французского⁵. Это была вполне допустимая практика в переводческой культуре того времени.

Нужно отметить, что упомянутые выше исследователи указывают на первые русские *опубликованные* переводы произведений Сервантеса.

Обнаруженная нами рукопись Никанора Ивановича Ознобишина⁶ «**Корнелия**»⁷ — наи-

более ранний (1761), первый из известных на сегодняшний день переводов Сервантеса на русский язык.

Н. И. Ознобишин, видимо, собирался не одну «Корнелию» перевести, именно поэтому он указывает нумерацию повести, но не в том порядке, что у Сервантеса: «Корнелия, новость, первая, = на десять», т.е. в планах переводчика было желание «Корнелией» лишь открыть сборник переводов повестей зарубежных авторов, в том числе и Сервантеса, что доказывает обнаруженный нами ряд рукописных переводов Н. И. Ознобишина и его собственное указание в одной из рукописей, что он перевел более двадцати книг⁸. Возможно также, что указание «первая, = на десять» значит не первая из десяти, а одиннадцатая. И так, это авторское указание остается непонятным, поскольку нет составленного Н. И. Ознобишиным или кем-то другим сборника его переводов, в котором «Корнелии» отводилось бы определенное место — первое или одиннадцатое.

Рукопись переплетена. Переплет был, видимо, комбинированный: кожаный корешок (он не сохранился, остались только незначительные фрагменты) и картонные крышки (корки). Сохранилась лишь лицевая (передняя) картонная корка, покрытая бумагой мраморной расцветки. На ней в центре — белое поле и наклейка с рамочной виньеткой, внутри которой надпись в четыре строки (границы строки отмечаем вертикальной линией: «№ 127 | Сто новых | новостей Г: | Гомец»). Время переплета рукописи и указанной наклейки установить трудно.

Рукопись написана двумя разными почерками, которые перемежаются на протяжении текста.

Перевод Н. И. Ознобишина почти не имеет абзацев, отличается крайней неупорядоченностью в орфографии и пунктуации, прямая речь графически не выделяется и не отделяется от прочего текста; текст идет без членения на предложения. В «Корнелии» прямая речь графически не выделена, сливается с остальным текстом. Это не является особенностью именно ознобишинского текста, это вообще характерная черта в переводах XVIII века. Диалоги, прямая речь, не собственно прямая речь и дру-

гие виды речи только-только еще осознавались переводчиками, поэтому очень часто оригинальный (особенно рукописный) текст не содержит графического оформления диалогов и прямой речи. Переводчики просто не умели еще этого делать. Давно усвоенные в русской оригинальной литературе риторические приемы (такие, как риторические вопросы, восклицания, обращения, анафоры, повторы, синтаксический параллелизм) сложно «шли» в переводах середины века. Переводчик, прежде всего, стремился к точному переводу лексики, не особенно заботясь о красотах стиля. Стилистический рисунок оригинального текста не всегда диктовал стиль перевода: конструкции оригинальной разговорной речи подменялись или книжной фразеологией, или, наоборот, переводчик впадал в другую крайность: разговорная интонация определяла основные речевые краски перевода.

«Сеньора Корнелия» Сервантеса в XVIII в. на русском языке вообще не печаталась. О рукописном переводе Н. И. Ознобишина ни библиографы, ни литературоведы, изучавшие жизнь и творчество Сервантеса, не знают⁹.

Между тем, значение рукописного перевода Н. И. Ознобишина (1761) велико хотя бы и потому, что это — первый из известных нам опытов перевода на русский язык Сервантеса. Начало 60-х гг. XVIII в. ознаменовалось интересом русской публики к великому испанцу, прежде всего как к автору «Дон Кихота», о чем не преминули указать последователи Н. И. Ознобишина, более счастливые, нежели он (в том смысле, что их труды увенчались успехом — публикацией их переводов). Никанор Иванович угадал тенденцию читательского спроса, что свидетельствует о его развитом эстетическом вкусе.

Почему из всего многообразия новелл Сервантеса привлекла Ознобишина-переводчика именно «Корнелия»? Скорее всего, молодого гвардейского офицера подкупили внутренняя красота героев, простодушный, наивный тон повествования, энтузиазм любви, преданность, великодушие. Фабурой произведения управляет господин случай, а тип сказки, по верному наблюдению Н. Я. Берковского, определил сю-

жет новеллы, поэтому в ней оптимистична развязка¹⁰.

Французский перевод новеллы Сервантеса, с которого Н. И. Ознобишин переводил «Корнелию», нам пока установить не удалось.

Полезность, добродетельность, нравоучительность — основные побудительные мотивы французских, а затем и русских переводчиков XVIII века.

Перевод Н. И. Ознобишиным «Сеньоры Корнелия» Мигеля Сервантеса, несомненно, органично вписывается в литературный контекст эпохи и отвечает переводческим задачам и потребностям читающей публики середины XVIII в. В центре многих «Назидательных повестей» Сервантеса — различные перипетии любовных отношений, причем любовь в духе идей эпохи Возрождения воспевается автором «Дон-Кихота» как чувство большое, значимое для человека любого социального слоя. Недалеко почти параллельно с французским и уж точно синхронно с русским переводом сервантовских новелл во Франции появились «Нравоучительные сказки» Мармонтеля (1761, 1763 гг.), тотчас переведенные на русский язык П. И. Фонвизиним и напечатанные в московском журнале М. М. Хераскова «Свободные часы» в 1764 г. (отдельным изданием вышли в 1764 г. в Москве)¹¹. Секретные истории сильных мира сего, «разоблачения», некие «правдивые истории», повествование от первого лица или лица некоего исторического деятеля — все это быстро усвоено русскими авторами, переводчиками, читателями. Таким образом, западноевропейское романное мышление через переводы вполне осваивалось на русской почве. Нельзя исключить возможность непосредственного или опосредованного знакомства Н. И. Ознобишина с П. И. Фонвизиним, М. М. Херасковым, возможность его общения в среде московского просвещенного дворянства, в окололитературных кругах. Поэтому он в духе времени и в соответствии со своими увлечениями, о которых сам заявил в предисловии к одному из переводов, обращается к «Корнелии» Сервантеса. «Назидательные новеллы» М. Сервантеса отличались критическим или идиллическим пафосом; «Сеньора Корнелия» принадлежит ко

второму виду, и Н. И. Ознобишин прекрасно сумел этот идиллический пафос передать в своем переводе.

Перевод Ознобишина, сделанный в 1761 г., максимально близок к переводческой культуре еще Петровской эпохи. Переводчик использует русизмы («свивал[ь]ник», «червонцы», «деревня», «мужичка»); в сокращениях текста и заменах каких-то деталей идет за французским переводом. Вместе с тем, текст Ознобишина, отразивший культуру перевода «осмнадцатого» столетия, в чем-то точнее, нежели переводчики XIX и XX вв., передает дух оригинала, язык, стиль далекой эпохи Возрождения¹². Можно только пожалеть, что ознобишинский перевод новеллы Сервантеса так и не был опубликован и остался неизвестным широкому кругу читателей второй половины XVIII в.

¹ См.: Умикян А. Д. Ранние русские переводы Сервантеса (1763–1831): Библиографические заметки // Сервантес: Статьи и материалы. Л., 1948. С. 214–219.

² Две любовницы. Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, авктора Дон Кишота. Переведена с французского языка. М.: Печатано при имп. Московском университете, 1763. 78 с. 12^о // Сводный каталог русских книг XVIII века. 1725–1800. Т. 3. Р–Я. М., 1966. С. 111.

³ Левин Ю. Д. Начало 1760 — середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 202.

⁴ См.: Умикян А. Д. Ранние русские переводы Сервантеса (1763–1831): Библиографические заметки // Сервантес: Статьи и материалы. Л., 1948. С. 214–219. Ср.: Умикян А. Д. Мигель де Сервантес Сааведра // Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке: 1763–1957. М., 1959.

⁵ Корконосенко К. С. Перевод с испанского в XVIII веке: «Прекрасная цыганка» Сервантеса // Русская литература. 2004. №4. С. 118.

⁶ См.: Забытая страница русской словесности XVIII века: Н.И.Ознобишин как переводчик // Первые Ознобишинские чтения: Материалы междунар. конф., май, 2003. Самара; Инза, 2003. С. 3140; Буранок О. М. Новелла М. Сервантеса

«Корнелия» в русских переводах (Н. Ознобишин, Ф. Кабрит, Б. Кржевский) // Компаративистика: современная теория и практика. Т. 1. Самара, 2004. С. 157–163; Буранок О. М. Никанор Ознобишин переводчик: Исследование, публикация текстов, комментарии. Самара, 2005.

⁷ Рукописный отдел РГБ. Ф. 178 / 3717. Описание рукописи см.: (896) № 3717. «Из второго тому Новостей Мишеля Сервантеса Сааведры. С французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля». | Сер. XVIII в. (б. зн. близок к № 786 у Клепикова 1 — 1748 г., № 749–1756.; «герб Яросл. губернии [тип 3]. Скоропись, 73 л. 8? (16,5 х 10,3). Переплет бумажный. На верхней крышке наклейка заголовка «Сто новых новостей г. Гомец» (ф. изд.: СПб., 1765–1768 гг.) — и «№127». См.: Музейное собрание: Описание. Т. 2. (№ 3006–4500). М., 1997. С. 211. Указание и на обложке, и в музейном описании на «Сто новых новостей г. Гомец» заставило нас обратиться к русскому изданию — «Сто новых новостей сочинения госпожи Гомец с французского на российской язык переведен» (т. 1–10, СПб., 1765–1768). Описание есть у Ю. Витовта под №1545: «Сто новых новостей сочинения Госпожи Гомец, 10 томов. С французского на Российский язык переведен, в Санктпетербурге (1765–1768) года 8е. 4 не н. + 196 + 140 + 204 + 188 + 187 + 147+ 116 + 240 + 181+ 254 стр. Ц. 25 р. (Смердин) // Редкия Руския книги и летучия издания 18-го века / Составил Юрий Витовт. М., 1905. С. 289. Ни в одном из 10 томов, просмотренных нами, перевода «Корнелии» Н.И. Ознобишина мы не обнаружили. Во французском собрании госпожи Гомец нет «Сеньоры Корнелии» Сервантеса. См.: Буранок О. М., Дунина Т. П. Мадам Гомец в России // Телескоп: Научный альманах: Вып. 11. Самара, 2005. С. 720.

Возможно, что отсылка к Гомец произвольна, по аналогии: «новости» у Гомец, и у Ознобишина тоже «новость».

⁸ Буранок О. М. Никанор Ознобишин переводчик: Исследование, публикация текстов, комментарии. Самара, 2005. С. 142.

⁹ См.: Державин К. Н. Сервантес: Жизнь и творчество. М., 1958; Франк Б. Сервантес. М., 1960; Алпатов М. В. «Назидательные новеллы» Сервантеса // Этюды по истории западноевропейского искусства. М., 1963. С. 265–274; Кржевский Б. А. Примечания // М. де Сервантес Сааведра. Назидательные новеллы. М.; Л., 1934. С. 387–388; Берковский Н. Я. Новеллы Сервантеса // М. де Сервантес Сааведра. Назидательные новеллы. М., 1955; ср.: Берковский Н. Я. Новеллы Сервантеса // Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 107–130; Алексеев М. П. Из истории испанско-русских литературных отношений XVI — начала XIX в. // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 49, 63–71; Багно В. Е. Дорогами «Дон-Кихота». М., 1988. С. 285–295.

¹⁰ Берковский Н. Я. Новеллы Сервантеса // М. де Сервантес Сааведра. Назидательные новеллы. М., 1955. С. 12, 20–21.

¹¹ Левин Ю. Д. Начало 1760 — середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 169.

¹² Сопоставительный анализ переводов см.: Буранок О. М. Новелла М. Сервантеса «Корнелия» в русских переводах (Н. Ознобишин, Ф. Кабрит, Б. Кржевский) // Компаративистика: современная теория и практика. Т. 1. Самара, 2004. С. 157–163; Буранок О. М. Никанор Ознобишин переводчик: Исследование, публикация текстов, комментарии. Самара, 2005. С. 3845.